КТО СМЕРТИ БОИТСЯ?

Кто изъ васъ видълъ, ребята — или бишь кто не видалъ, какъ пъхотный солдатъ Русскій, перекрестясь, лезетъ непріятельскія пушки, ШТЫКОМЪ прокладываетъ себъ путь-дорогу и, сбивъ непріятеля со стъны либо распускаетъ знамя Русскаго Царя надъ вражеской твердыней, И, снова перекрестившись, говорить: что бою взято, то свято; кто противъ Бога и царства православнаго?

Кто не видалъ, какъ конный полкъ нашъ – будь онъ гусарскій, будь уланскій, будь драгунскій или кирасирскій, равно – кто не видалъ изъ васъ, какъ онъ несется подивизіонно непріятеля, на ощетинился, завидѣвъ бѣду который неминучую, окареился, да обратилъ конный строй нашъ желѣзный частоколъ свой, гдѣ каждая тычина стволъ, пулѣ свинцовой? каждомъ стволѣ ПО Прислушайтесь, ребята: пробѣжала трескотня по фронту – это непріятель

готовится къ залпу, всъхъ въ одинъ разъ положить хочеть, взводить курки; а туть съ нашей стороны топотъ несется, да пыль клубится, да молодецкое ура забушевало, какъ гроза въ лѣсу; залпъ непріятельской заглушилъ на одинъ И МИГЪ топотъ голосъ; человѣкъ десятка СЪ полтора вывалились изъ налетнаго строя — а полоса завътная уже гуляетъ по волъ, прядаетъ по врага; вахмистръ стоптаннаго головамъ нашъ въ рукопашную тягается за знамемъ непріятельскимъ – а креста и ему добыть хочется — разбитый полкъ положилъ ружье, и мы набрали въ полонъ столько, что и сами не знаемъ, какъ съ ними быть и куда ихъ дѣвать!

Кто изъ васъ, ребята, не видалъ этаго? Скажите же, хорошо это, аль худо? Худо тому, кого побили; стало быть, а намъ хорошо; не такъ ли? А коли хорошо, отъ чего же не всякій изъ насъ обгоняетъ товарища, какъ пойдутъ въ штыки, да въ рубку, а есть чай и такіе, что мало ли, много ли, да отстаютъ?

Отъ того, товарищи, что гдѣ есть передніе, тамъ бываютъ и задніе; гдѣ бѣгутъ, тамъ и отстаютъ. А кому охота быть заднимъ, кому отставать? И вѣдомо что ни тебѣ, ни мнѣ, ни третьему; такъ слушайте жъ слово — слово не долгое, да великое.

Первое: держись за Бога, и Онъ тебя не покинетъ; а коли Господь при тебъ и съ тобою, то бояться тебъ нечего. Жизнь наша – служба у Господа; ты пришелъ въ міръ скудельный велѣніемъ Его и выйдешь по волѣ Его, а душа твоя, коли ты служилъ Господу душою, возрадуется веселіемъ, какаго ты здѣсь и не зналъ, не видалъ. А коли такъ, то можно ли тебъ бояться того часа, когда Спаситель твой послъднее искушеніе; тебъ насылаетъ можешь ли страшиться годины, которую Господь уготоваль тебъ для того, чтобы принять тебя къ Себъ? Блажени плачущіи, яко тіи утъшатся, говоритъ Спаситель нашъ. И не убойтеся отъ убивающихъ тъло, души же немогущихъ убити; убойтеся же паче могущаго и душу и тъло погубити гееннъ. Да много ли и всего житія твоего на

этомъ свътъ? оглянись назадъ: тридцать, сорокъ лѣтъ живешь – а прошли годы эти что одинъ день; да и одинъ день нын шній тебъ будто длиннъе прошлыхъ сорока лътъ! Такъ не все ли равно, другъ, нынъ ли, завтра ли, черезъ годъ ли, аль двадцать лътъ тебъ умирать? Неужели тебъ часъ гръшной жизни дороже праведной смерти? Я говорю: часъ гръшной жизни, потому-что тотъ, кто смерти боится, согръшилъ, и жизнь его – жизнь гръшника; перекрестись и умри, отгони страхъ молитвою и ступай, ты спасенъ.

Второе: живи съ добрыми людьми, поколъ живется, а случится умереть - тъ же добрые люди тебя помянуть, коли ты ладно жилъ и ладно померъ; скажутъ: дай Богъ нашему полку много живыхъ, каковъ быль этоть покойникь! и память по тебъ не пропадеть, и товарищь, что годовъ тобою локоть пятнадцать ходилъ съ панихиду по тебѣ отслужить; локтемъ, дядька, какъ станетъ учить рекрута своего, новобранца, скажетъ ему: вотъ былъ у насъ полку такой-то, и жить и служить ВЪ

умълъ, да и послъдній часъ пришолъ, такъ не заикнулся; уложила его пуля вражья наповалъ, сбила съ ногъ, осадила на мать сыру-землю, да душу молодецкую вынесъ онъ – и въчная ему память! И ротный командиръ твой и самъ полковникъ придутъ поклониться памяти твоей, отдать послѣднюю честь; сыпнутъ горсть землицы, изъ которой всѣ мы сдѣланы, въ могилу твою и скажуть: не грѣшно бы молодца и съ ружьемъ схоронить, кабы не казенное добро; правдивая въ немъ была солдатская душа; смиренъ И постоъ, и никогда не было на него жалобы, а великъ буянъ, покойникъ, въ чистомъ лицемъ полѣ, лицу супротивъ КЪ непріятеля; ружье было ему полюбовницей, штыкъ названный старшій братъ, а ура! было у него Отче нашъ военное. Живи, ребята, какъ этотъ жилъ; умирай въ полѣ, какъ онъ умиралъ – и съ вами крестная сила будеть отъ нынъ до въка, аминь!

Третіе: Думай подъ-часъ и то: не всякая пуля по тебъ прошла; ей больше простора въ полъ; непріятель такой же гръшный

человъкъ, какъ и десятокъ другой ты: патроновъ на-вътеръ выпустить, поколѣ Господь попустить угодить по живому мясу. Оглянись: развѣ ты одинъ? съ тобою всѣ товарищи; спроси у нихъ, кто изъ нихъ не бываль уже разъ-другой подъ градомъ свинцовымъ, на кого не рыгало непріятельской пушки – а живы, здоровы; тъхъ, которые побиты, не считай, Господь сочтеть, а ТЫ помяни молитвою, да добрымъ словомъ, авось и тебя обнесетъ Создатель, коли помилуетъ, смертною чашей, и выйдешь ты живъ и здоровъ; тогда ты самъ себя повысишь на чинъ, потому-что солдатъ бывалый чиномъ старше небывалаго; а солдать бывалый, который дрался за двоихъ, двумя чинами старше прочихъ. Живой живое гадаетъ; смерти не бойся, а жить надъйся и желай. Когда идешь въ бой, тогда молись, какъ Спаситель нашъ передъ послѣднимъ часомъ Своимъ: Отче мой! аще возможно есть, да мимо идетъ отъ мене чаша сія, обаче не Ты. хощу, но якоже Если якоже азъ тебя — Господь помилуетъ И вынесеть

хорошо; если же ты выйдешь изъ боя живъ и здоровъ не потому, что тебя Господь сохранилъ, а по своей волѣ, потому-что не больно подставляль лобь, а пробивался такъ, промежъ правды и неправды, тогда, братъ, худо будетъ на томъ свътъ, худо и на этомъ; и сами товарищи разжалуютъ тебя; не станутъ признавать ни братомъ, ни даже солдатомъ, а придумаютъ тебъ много потъшныхъ и ругательныхъ прозвищъ; не будетъ тебъ отъ нихъ проходу, ни житья – а пособить горю нечъмъ. А еще видалъ ли ты когда такой позоръ, какъ офицеръ солдата въ фухтели поставитъ за трусость? Это, брать, ей Богу, хуже воровства и пьянства, и върно ты этаго не видалъ, потому-что этаго ВЪ полку не твоемъ бывало, и дай Богъ, чтобы не было во въки вѣковъ; умри лучше, православная душа, а до этаго позора не доживи!

Смерти боится, кто боится суда Божьяго.

Лучше смерть, нежели золь животь.

Смерти боится, кто не боится позора и сорому.

У труса и глаза мышиные: жить бы ему только въ подпольъ.

У смѣлаго солдата очи сокольи, а плеча, словно крылья орлиныя.